

Воспоминания надежного друга

Эмма Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998

Общая газета. — 1998. — 12-18 нояб. — с. 10

28 ДЕКАБРЯ 1963 года в гостях у Анны Ахматовой были Э.Г. Герштейн и Л.К. Чуковская. В тот день Лидия Корнеевна записала в своем дневнике: «Эмма Григорьевна ушла говорить по телефону. Едва дверь за нею затворилась, Анна Андреевна сказала:

— Эмма вот уже столько лет живет хуже худого. Вечное безденежье, а жилье? — вы помните ее конуру в развалинах при больнице? В новой комнате — пытка радиовещанием. Книга не пишется, а ведь никто не изучил так глубоко Лермонтова, как она. Сдать работу надо к юбилею. Это для нее единственный шанс. Это — ее хлеб, честь, жизнь. Время лермонтовское она знает до тонкости — без ее помощи и мое пушкиноведение споткнулось бы: архивы, архивы!.. Эмма надежный друг: я прочно помню, как она ездила навещать Осипа в ссылке... Орденов за это не давали.

Мне жаль, что Эмма Григорьевна,

не имея обыкновения подслушивать, не подслушала этот монолог. Вот и орден».

Я вспомнил давнюю запись Чуковской, как только взял в руки новую книгу. В объемистом томе повествуется обо всем, что упомянуто Ахматовой, и о длившихся много лет отношениях с самой Анной Андреевной, для кого мемуаристка была воистину надежным другом.

Эмма Григорьевна Герштейн родилась в 1903 году. Проза ее лаконична, но вместе с тем и содержательна, у автора весьма зоркий глаз и отменная память. Взять, например, достовернейшее описание Москвы в октябре 1941-го, когда, по выражению некой «домработницы Поли», «ждали нового барина», т.е. прихода оккупантов.

В этих «Мемуарах» интересно решительно все. Но особенное значение, на мой взгляд, имеют две главы. Прежде всего та, что

носит название «Мандельштам в Воронеже». Как известно, в этот период своей жизни Осип Эмилевич подружился с Сергеем Борисовичем Рудаковым. Тот тоже был ссылкой, и он регулярно описывал свою воронежскую жизнь в письмах к жене, которая оставалась в Ленинграде. Вдова Рудакова скончалась в 1974 году, и согласно ее распоряжению письма Сергея Борисовича были предоставлены в распоряжение Эммы Григорьевны, которая изучила и скопировала те из них, где есть упоминания о великом поэте.

По моему убеждению опубликованные Эммой Герштейн письма С.Б. Рудакова к жене — самое существенное и достоверное из всего, что когда-либо было написано о Мандельштаме. Приведу несколько цитат. Осип Эмилевич здесь именуется «О», а Надежда Яковлевна — «Надин».

«Конечно, я не записываю все-

го, что вижу и слышу, но и письма многое сохраняют. О. опять читал стихи памяти Белого. Он с ним был последнее время очень близок. Говорит, что стоял в последнем карауле, а до этого «стояли пильняки — вертикальный труп над живым. В суматохе Мандельштаму на спину упала крышка гроба Белого» (21.05.1935).

«Он психует, что на него здешние литераторы не обращают внимания. О. — Есенин, Васильев имели бы на моем месте социальное влияние. Что я? — Катенин, Кюхля... Вот Бонч-Бруевич за архив мой предложил 500 р. И, когда я поднял шум, написал мне честное письмо: «Я-де и мои товарищи считаем вас второстепенным поэтом, не обижайтесь и на нас не сердитесь — другие даром дарят...» Я не Хлебников <...>, я Кюхельбекер — комическая сейчас, а может быть, и всегда фигура» (11.06.1935).

«Сегодня уехала Надин. На вокзале она совсем распахнулась и беднягу О. извела до того, что он дрожащим голосом говорил: «Наденька, не сердись, ты ведь уезжаешь». И потерял палочку, которая, правда, нашлась в буфете. Его жалко страшно. Он притих и варил мне и себе какао. Перепачкал руки о кастрюлю, вытер их об лоб и ходил зеброй весь вечер» (08.05.1935).

И еще об одной главе — «Анна Ахматова и Лев Гумилев». Начиная с 1956 года и до 1968-го я состоял с Львом Николаевичем в довольно близких отношениях и могу утверждать: у него была некая *idée fixe*. Гумилев был искренне убежден, будто мать не добивалась его освобождения из лагеря, а потому он пробыл там дольше, нежели некоторые другие узники. Лев Николаевич не изменил своего мнения до конца дней, и теперь, когда он получил весьма широкую известность, его

друзья и ученики, так сказать задним числом, порочат доброе имя Анны Ахматовой. Это сделал, например, академик А.М. Панченко в журнале «Звезда» (№ 4, 1994), там он частично опубликовал и тенденциозно прокомментировал переписку Гумилева с его матерью.

Э. Герштейн — отнюдь не сторонний свидетель в истории отношений Ахматовой и ее сына. В те годы, когда Лев Николаевич находился в лагере, Эмма Григорьевна вела с ним переписку, она же по поручению Ахматовой отправляла ему посылки и принимала участие во всех хлопотах по облегчению его участи.

В своей книге она публикует не только письма, которые Лев Николаевич в свое время адресовал ей самой, но и важные документы, проливающие свет на всю эту историю. В частности, письмо Ахматовой к Ворошилову и бумагу, которую сам Ворошилов полу-

чил в ответ на свой запрос от Генерального прокурора В. Руденко. Так что теперь ясна несправедливость тех обвинений, которые друзья и поклонники Л.Н. Гумилева продолжают возводить на великого русского поэта.

К этому я могу добавить вот еще что. Г-н Панченко с Ахматовой знаком не был, а с Гумилевым сблизился лишь в последние годы жизни Льва Николаевича. А я имел возможность наблюдать, как жила Анна Андреевна в 40-х и 50-х годах, и могу засвидетельствовать, что главной ее заботой была именно судьба сына. Я вспоминаю многочисленные телефонные звонки, Ахматова пыталась привлечь к своим хлопотам и Михаила Шолохова, и Александра Фадеева, и Алексея Суркова, и Илью Эренбурга... Упомянутое выше письмо Ворошилову она передала через Л.В. Рудневу, и я помню, как Ахматова договаривалась с ним об этом.

Любое произведение, написанное в жанре воспоминаний, являет читателям тот или иной образ автора. Книга Эммы Герштейн — не исключение, и тут мемуаристка выглядит фигурой весьма значительной.

Мне вспоминается некий разговор, который был у нас с нею четверть века тому назад. Это было в то время, когда в «самиздате» стала распространяться «Вторая книга» Надежды Мандельштам, где, как известно, подверглись клевете и поношению весьма многие достойные люди. Увы! В их числе оказалась и Герштейн. Когда мы с Эммой Григорьевной коснулись данной темы, она произнесла лишь одну фразу:

— Мне это очень горько, ведь она была моей подругой.

Моя собеседница и в этом случае проявила себя как надежный друг.

Михаил АРДОВ (протоиерей)